

ЛЮДИ ИСКУССТВА

И от романса умереть...

Коммунист Таджикистана
Г. Душанбе1
1988

За окном в сильных порывах ветра упруго взмахивает ветка сосны, дождь моросит. Она поет и смотрит в окно: «Мне снился сон, который не вернется, и человек, который не придет». Звучит романс за романсом, в перерывах певица тихо переговаривается с концертмейстером — готовится к очередному концерту. В обычный рабочий разговор, в котором выверяются малейшая деталь, интонация, то и дело врывается что-нибудь ее экспрессивное: «От этого романса можно умереть!».

В гримерной над ее столиком несколько засушенных букетиков — незатейливые цветы, дорогие только для памяти. Который-то из них от той тети Маши из Нурека? Там она выступала с русскими классическими романсами перед бетонщиками, малярами прямо в рабочей столовой. Женщины-зрительницы растрогались до слез, а тетя Маша пошла: «Погоди, не уезжай: ты для моей души про темно-вишневую шаль стой еще раз».

Святые мгновения тишины часто импровизированного зала где-нибудь на предприятии, просьбы: «Спойте еще!» — единственная плата за сольные концерты Мавджуды Курбановой. Дает их она, солистка театра оперы и балета им. С. Айни, единственно потому, что есть у нее желание такое.

Биография этой женщины насыщена парадоксальными фактами, обилие которых выдает сильную, порывистую натуру. Была одна только неменяющаяся особенность: она всегда пела. Пела, будучи студенткой филфака и секретарем райкома комсомола. Ее так и звали — «поющей секретарь». В перерывах между чтением доклада на заседании вдруг раздавался ее голос. Это был не какой-нибудь нежный серебряный голосочек — редчайшее контральто большой силы, как отмечают специалисты, особенно в нижнем регистре, более двух октав.

Вот это-то контральто и разлучило ее с карьерой комсомольского работника и раздалось затем в стенах Московской консерватории. «Это же будущая Обухова!» — говорил ее педагог Овешников. А будущая знаменитость оперной сцены терпеливо дождалась всего ей обещанного, мыла вечерами полы по соседству в Доме писателей — надо было на что-то жить.

Но судьба готовила ей испытание за испытанием. Что-то не так делали с ее невероятным голосом — случилось такое и в Московской консерватории. А тут еще личная драма... Дома, в Душанбе, в музыкальном училище с ее голосом стали работать заново, терпеливо его «штопать».

Позднее начало! Во всем его горький привкус ощущала Мавджуда. Другие приходят солистками в театр в двадцать пять. Все вовремя, все к стати. А она — во всем не такая, с ее невероятным голосом, с ее большими сильными руками, прямым характером, пугающе откровенная. Оказалось, никто не спешил ее понять, никто не заготовил ей партий в спектаклях и некому было работать с ее редким голосом. Все надо было завоевывать!

Было — уходила из театра. В школу к сельским ребятишкам. Через два года работы там она уже читала доклад на зональной

научно-практической конференции по эстетическому воспитанию детей. Доклад был «иллюстрирован» концертом: девочки-таджички вели русский хор, вод и пели «Во поле березонька стояла», звучали песни о мире, о хлебе, о Родине.

Об уроках Курбановой писали республиканские газеты: «Ребята стали жить интересной, насыщенной жизнью. Каждый урок музыки и пения для них радость, на каждом новом уроке они встречают аплодисментами свою учительницу...». Она видела, как тянутся к прекрасному эти дети, ведь после уроков зачастую они берут серп, косят траву и мало что видят.

Там ей тоже приходилось преодолевать то, от чего многие бы отступились. На выходные директор школы велел запереть и ключ ей не давать. Она все равно репетировала — случалось и под открытым небом... Да, ее открывало сознание того, как она нужна этим детям. Видела — в педагогике может достичь многого. Но вернулась в театр! Петь. Может быть, ее голос все-таки кому-то нужен? Иначе — утром не хотелось вставать. Это не хандра, не апатия, это боль. Ведь хороший голос нужен человеку как яблоко, как ливень.

Чтобы так произошло, она готова петь Няню в «Евгении Онегине», Няню в «Иоланте», Бабушку в «Красной Шапочке», Лягушку в «Терем-теремке». А какая она была Корова! Там и петь-то чуть-чуть, но как эту Корову любят маленькие зрители!

Колышется ветка, дождь моросит. «Сияла ночь, луной был полон сад, сидели мы с тобой в гостинной без огня...». Ах, эти романсы! Как в малом можно выразить себя всю, показать всю палитру! Подобрать концертную программу непросто: в нее должны войти произведения, соответствующие характеру и мышлению певицы, уровню ее профессионального исполнительства. В оперном спектакле можно «спрятаться» за хор, оркестр, других солистов. Исполнитель же романсов весь высветлен. Тут нужна общая высокая культура, тут нужно многое пережить сердцем. Сколько исполнителей — столько и вариантов исполнения одного и того же романса. И каждый романс каждый раз должен звучать как открытие!

Она отважно выходит петь эту светскую, элитарную музыку, эту высокую поэзию к самому простому, невзыскательному как будто бы слушателю, в далеко не изысканной обстановке. Не боязно ей: не поймут, не примут? Нет, не боязно. После выступления ее долго не отпускают, подходят, рассказывают о себе. Наверное, так бывает всегда, когда люди видят искреннее желание принести им радость.

Л. КОЛБИНА.